

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.1.04

УДК 271(470.531)

СТАРООБРЯДЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА

Т.Г. Голева

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 02 октября 2018 г.

Принята: 04 декабря 2019 г.

Опубликована: 29 марта 2019 г.

Ключевые слова:

Коми-Пермяцкий округ, старообрядчество, единоверие, старообрядческая церковь, коми-пермяки, русские, белокриницкое согласие, религиозная идентичность.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению истории распространения старообрядчества на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Доминирующей религией на территории округа было и остается православие. Несмотря на устойчивые позиции Русской православной церкви, в XVIII-XIX веках на рассматриваемой территории появляются приверженцы «старой веры».

Специальных исследований о распространении старообрядчества на территории округа в целом ранее не предпринималось, была изучена история лишь отдельных территориальных групп. В статье затрагиваются такие вопросы, как время появления старообрядцев в обозначенной области, их число, места расселения, современное состояние. Статья имеет значение для понимания религиозных явлений и этнокультурных процессов на территории Коми-Пермяцкого округа. Новизна работы заключается в обобщении сведений по истории старообрядцев всего округа, определении общих для данной территории факторов распространения и бытования «старой веры». Обозначенную проблему помогают решить архивные документы, опубликованные данные, периодическая печать, материалы полевых этнографических изысканий. Цель работы – описание основных этапов истории старообрядчества на территории Коми-Пермяцкого округа и определение характерных для каждого из них процессов и тенденций.

Методология исследования строится на совокупности исторических и этнологических методов. Основными из них стали: конкретно-исторический и историко-генетический методы, метод ареальных исследований, анализ статистических данных.

Результаты исследования показывают, что многие изменения в жизни старообрядцев округа были обусловлены общими политическими и социально-экономическими условиями. До конца XIX века для исследуемой территории были характерны процессы закрепления разных направлений старообрядчества и роста числа их последователей. В начале XX века старообрядцы округа имели хорошие перспективы для развития. События после 1917 года привели к «угасанию» их религиозного течения. Из трех наиболее многочисленных мест расселения старообрядцев только в одном в настоящее время наблюдаются возрожденческие процессы. Несмотря на это, старообрядцы оказали значительное влияние на традиции местного населения.

© ПНИПУ

THE OLD BELIEVERS IN THE KOMI-PERMYATSKIY OKRUG

Tatiana G. Goleva

Perm Federal Research Center of Ural division of Russian academy of sciences, Perm, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 02 October 2018
Accepted: 03 December 2019
Published: 29 March 2019

Keywords:

Komi-Permyatskiy Okrug, Old Belief, Edinoverie, Old Believers' Church, Komi-Permyaks, Russian, belokrinitsky consent, religious identity.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the history of Old Belief in the Komi-Permyatskiy Okrug of the Perm region. Orthodoxy was the dominant religion of the district and it continues to be the same now. Despite the strong position of the Russian Orthodox Church Old Believers appeared in the district in XVIII-XIX centuries.

Special general research of the Old Belief spreading in the district was not undertaken earlier. It had only been studied the history of a few territorial groups. The author of the article touches upon such problems as the time of appearance and existence of religious trends in the designated area, the number of their adherents and the places of settlement, the present state. The article is important for the understanding of modern religious attitudes and ethno-cultural processes in the territory of Komi-Permyatskiy Okrug. The novelty of the work lies in the fact that it summarizes information about the Old Believers history of the whole district and identifies the general factors of distribution and existence of the "old faith" for that territory. Published sources, archival documents, periodicals data of field ethnographic research help to trace the indicated problem. The aim of this work is to describe the main stages of the Old Believers history in the territory of Komi-Permyatskiy Okrug and to determine the processes and tendencies typical for each period.

The research methodology is based on a combination of historical and ethnological approaches. The main methods are concrete historical method, genetic historical method, areal research method, analysis of statistical data.

The results of the study show that many changes in the life of the Old Believers in the district were caused by the general political and socio-economic conditions. Until the end of the XIX century the studied area was characterized by consolidation processes of different directions of the Old Belief and the increase of its followers' number. At the beginning of the 20th century the Old Believers had good prospects for development. The events after 1917 led them to the "fading". Of the three most numerous settlements of the Old Believers only one currently shows the revival processes. However, the Old Believers significantly influenced the traditions of the local population.

© PNRPU

Население Коми-Пермяцкого округа по вероисповеданию является преимущественно православным. В начале XX века в современных границах округа насчитывалось до 40 храмов [1, с. 65–70] и действовало два женских монастыря [2, с. 119–120]. Несмотря на прочные позиции Русской православной церкви, на территории округа отмечалось распространение старообрядчества. История старообрядцев округа рассматривалась рядом исследователей. Более основательно была изучена территориальная группа юрлинцев [3, с. 192–201]. Лишь краткие сведения публиковались о староверах северных районов округа [4, с. 317; 5, с. 252]. В 2010 году нами была предпринята попытка описания религиозных обычаев лупьинских коми-пермяков, которые сохраняют ряд старообрядческих традиций [6, с. 212–223].

Изучение архивных материалов, статистических данных, периодической печати, современных публикаций, а также использование материалов опросов и наблюдений во время этнографических экспедиций позволяют уточнить исторические данные о распространении старообрядчества на территории Коми-Пермяцкого округа, определить основные места расселения раскольников в прошлом, их количественный и национальный состав, а также степень сохранения обычаев в новейшее время. Обобщение данных о старообрядцах округа важно для характеристики процессов, происходивших на изучаемой территории, а также для понимания исторических закономерностей и современных религиозных явлений.

В статье для обозначения православных ветвей используются следующие термины: официальное православие, или Русская православная церковь, ее приверженцы обозначаются

«православными», как в источниках XIX века, или «мирскими», как их называли сторонники «старой веры»; adeпты старообрядчества или древлеправославия именуется в статье «старообрядцами», «староверами», «раскольниками».

Появление старообрядцев на территории Коми-Пермяцкого округа

О ранней истории старообрядцев на территории округа известно немного из-за отсутствия подробных источников. Исследователи отмечают два места первоначального расселения старообрядцев – это поречье Юма и Гайнский приход Чердынского уезда Пермской губернии [7, с. 39–40]. Старообрядческие общности этих территорий складывались в результате притока разных групп раскольников.

По описанию архимандрита Палладия, на рубеже XVII–XVIII веков по р. Юму поселились раскольники поповского толка «из внутренней России», после 1725 года на Юм прибыли двое последователей беспоповского поморского толка из беглых стрельцов «Сепычской и Сабаневской сект» Оханского уезда [7, с. 39–45]. По данным И.В. Власовой, в XVIII веке в селениях Юрлы осела также часть поволжских раскольников [3, с. 197–198]. Местные жители постепенно приобщались к данной вере. По данным следственного дела 1856 года, многие жители Юмской волости уклонились в раскол уже при жизни и, несмотря на возбужденные из-за этого судебные дела, оставались верны вере. Известно, что в это время некоторые из них для богослужения использовали отдельные избышки. Одна из таких избышек была обнаружена в лесу у д. Ефимовой. Кроме того, приверженность к расколу повлекла за собой или стала поводом к тому, что некоторые мужчины волости сбегали от рекрутства [8, л. 14–43].

Точное время появления первых старообрядцев на территории Гайнского района никто из исследователей не называет, архимандрит Палладий относит его к «давним временам». Автор обзора пермского раскола также отмечает появление старообрядцев в Янидорском приходе Чердынского уезда в 1797 году и устройство скитов нижнетагильскими раскольниками в 50 верстах от с. Верх-Язьва около 1790 года [7, с. 39–40]. Можно предположить, что появление первых старообрядцев в гайнских лесах относится примерно к этому же времени. Местные старообрядцы считали, что близ Гайн укрывались от преследований самые первые староверы, затем им пришлось уйти из-за гонений, но они не прерывали связи с местными жителями. Новая группа старообрядцев якобы была обнаружена властями в 1939 году, часть их была арестована [9, с. 949–950].

Более подробные сведения о старообрядческих скитах, которые были созданы в гайнских лесах, дают архивные документы, описанные И.В. Починской. Согласно следственным данным вятских служащих 1854 года, за 10–12 лет до этого в 20 верстах к востоку от д. Верх-Лупьи появился мужской скит. В нем проживали несколько старцев из Порубовской волости Глазовского уезда Вятской губернии [10, с. 234–235]. Отметим, что территорию Порубовской волости вместе с русскими заселяло комиязычное население (верхнекамские или зюздинские коми-пермяки). В начале 1850-х годов новый женский скит образовался в 4 верстах южнее Верх-Лупьи, причем одна из инокинь «выкрала забранного в рекруты сына крестьянина-пермяка д. Лупьи Ивана Мизева, которого поселила при себе». Обустройству женских скитов способствовал крестьянин д. Даниловой Филипп Дегтянников, который позже был арестован за распространение раскола. Также в пяти верстах от д. Лупьи проживала семья раскольников, выходцев из Порубовской волости [10, с. 234–242].

Пермская полиция на основе писем из Вятки провела свое расследование, в результате чего был обнаружен женский скит и арестованы находившиеся там четыре женщины. Мужской скит

обнаружен не был, нашли лишь обугленные остатки у р. Ворчилки, которые приняли за сгоревший скит. Среди арестованных женщин оказались уроженки Оханского и Глазовского уездов, а также «Афимья Еремеева Исаева, возраст примерно 70–80 лет, из д. Васькиной Чердынского уезда» [10, с. 241–242]. Деревня Васькина находится в 15 км южнее Гайн. Четвертой арестованной женщиной была Пелагея Андреевна Исупова, 24 лет, крестьянка д. Силиной Соликамского уезда. На территории Соликамского уезда были две деревни с таким названием, обе в настоящее время находятся в границах Кудымкарского района. Скорее всего, женщина была из деревни, которая располагается на левом берегу р. Кувы, так как вторая деревня в 1869 году названа починком [11, с. 296, 299; 12, с. 279, 288]. Жители д. Силиной были «пермяками».

Пермская полиция имела дополнительную информацию о деятельности старообрядцев в верховьях р. Лупьи. Якобы одна из старообрядок, матушка Тарсила, помогала бежать рекрутам и переправляла их в скиты на Лупью, где проживало до 50 человек. Данный факт в ходе следствия доказать не удалось [10, с. 242].

Связь с вятскими и вологодскими раскольниками имели не только жители гайнского прихода, но и население Юмской волости. По-видимому, общение со староверами соседних территорий было достаточно активным, так как местные священники отмечали их влияние на религиозные воззрения местных крестьян [7, с. 39–40].

В середине XIX века юрлинские и некоторые гайнские старообрядцы примкнули к белокриницкому (австрийскому) согласию. Благодаря сообщениям в старообрядческой периодике начала XX века известно, что в 1857 году крестьянин Исаев из д. Васькиной Гайнского прихода узнал о старообрядческом священнике в Вятской губернии, отправился туда, чтобы все разузнать, и присоединился к церкви. Позднее его примеру последовали родственники. Старообрядцы Юмской волости, по-видимому, примкнули к австрийскому согласию в большем числе, так как у них раньше появился свой священник [9, с. 950]. Причинами перехода в австрийское согласие, скорее всего, была потребность в религиозной наставнической поддержке и укреплении связи с другими общинами.

В это же время, в середине XIX века, часть юрлинских раскольников «была насильно приобщена властями к единоверию с православной церковью» [3, с. 197–198], что привело к развитию еще одной религиозной группы, традиции которой были связаны со старообрядческими принципами.

Старообрядцы в конце XIX – начале XX века

Источники последней четверти XIX – начала XX века передают более подробные сведения о старообрядцах на территории округа, позволяют уточнить места их расселения и проследить их количественный рост. В начале XX века положение старообрядцев в России стало меняться в лучшую сторону, особенно после Указа 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости». 17 октября 1906 года был издан указ о порядке образования и действии старообрядческих общин [13], после которого пошла волна регистраций старообрядческих обществ и строительства старообрядческих храмов. Данные процессы задели и территорию Коми-Пермяцкого округа.

Центром раскольников в Юмской волости в обозначенный период была д. Подкина, в которой находился молельный дом. И.Я. Кривошеков пишет, что в 1880-х годах эта постройка была уже в ветхом состоянии [14, с. 618]. По данным местного корреспондента начала XX века, в деревне был построен старообрядческий храм с колокольной во имя архистратига Михаила [15, с. 183]. В 1876 году в д. Подкиной появился священник белокриницкого согласия Григорий

Иванович Ефремов, но в 1894 году он «уклонился в православие» [9, с. 950; 16, л. 56]. В 1895 году новым священником стал Григорий Антонович Подкин (рис. 1). 16 июля 1907 года Пермским губернским правлением была зарегистрирована подкинская старообрядческая община.

Рис. 1. О. Григорий Подкин
(Фото из журнала «Церковь» [20, с. 51])

По сведениям корреспондента, приход церкви д. Подкиной в 1909 году насчитывал 1615 человек [15, с. 183], хотя по статистическим данным Пермской епархии за 1911 год, в Юмском приходе проживало всего 586 раскольников и в соседнем Юрлинском приходе – 11 [2, с. 211]. Согласно данным Списка населенных мест Пермской губернии за 1909 год, старообрядцы вместе с православными населяли деревни Дубровского, Ефимовского, Еложского, Таволжанского сельских обществ Юмской волости [17, с. 72–76]. По архивным данным, среди уклонившихся в раскол или совершавших обряды по «старой вере» были также жители деревень Чужья и Верх-Юм Лоинского и Березовского обществ Юмской волости [18, л. 1об; 19, л. 17об.]. И.Я. Кривошеков отмечает проживание старообрядцев в начале XX века в деревнях не только Юмской, но и Усть-Зулинской волостей: Демидова, Мосина, выс. Пальник, Пож, Сыскина, с. Усть-Зулинское [14, с. 342, 541, 582, 621, 701, 745]. К пастве

подкинского священника относились и некоторые поселенцы Кувинского завода Соликамского уезда [16, л. 56, 59]. Противоречивые данные не позволяют определить точное число раскольников, но примерные границы их расселения можно очертить (рис. 2).

Если говорить о национальной принадлежности раскольников Юмского и соседних приходов, то следует отметить, что в начале XX века местных жителей считали обрусевшими пермяками [14, с. 804; 21, с. 173]. Более поздние изыскания показали, что основное население Юрлинского района сложилось в результате переселения русских. Браки и общение с коми-пермяками обусловили наличие у юрлинцев схожих антропологических черт и явлений культуры [22, с. 59–60; 23, с. 12–13]. Юрлинские раскольники могли повлиять на религиозные обычаи коми-пермяков соседних волостей. Как отмечалось выше, в середине XIX века одна из женщин в лупыинском скиту была родом из коми-пермяцкой д. Силовой, которая находилась недалеко от Юмской волости. Согласно полевым этнографическим материалам, «кержаками» называли некоторых жителей деревень Кукушка, Сеполь, Городище, Васькино, Шумино Кочевской волости, одних идентифицировали как русских, других – как коми-пермяков: *У нас у бабушки мать была старовером. В Шумино они жили* (д. Сеполь, 2009). При этом, предположительно, «кержаками» в данных деревнях могли называть и единоверцев, которые сохраняли старообрядческие традиции.

На территории Гайнской волости известно о проживании старообрядцев в следующих поселениях: Мысы, Сойга, Коса-Сотчинс [14, с. 454, 550, 693], Базуева, Васькина, Данилова, Елева, Каняьб, Кулиги, Михалева, Тыла, Харина, Чуршина, Чажегова [24, л. 13об.; 25]. Все названные деревни, помимо Базуевой, населяли коми-пермяки [11, с. 353]. Уже в начале XX века стало известно о скрытом поселении на р. Тимшор, которое основали раскольники в начале XIX века; возможно, его история связана со скитами 1840-х годов. Позже Тимшор за-

селили коми-пермяки-охотники [26, с. 31]. По семейным преданиям, еще в начале XX века среди жителей деревни были староверы: *У нас дед покойный [из Тимшора] старовер назывался. Он и зайца не ел...* (пос. Шордын, 2005).

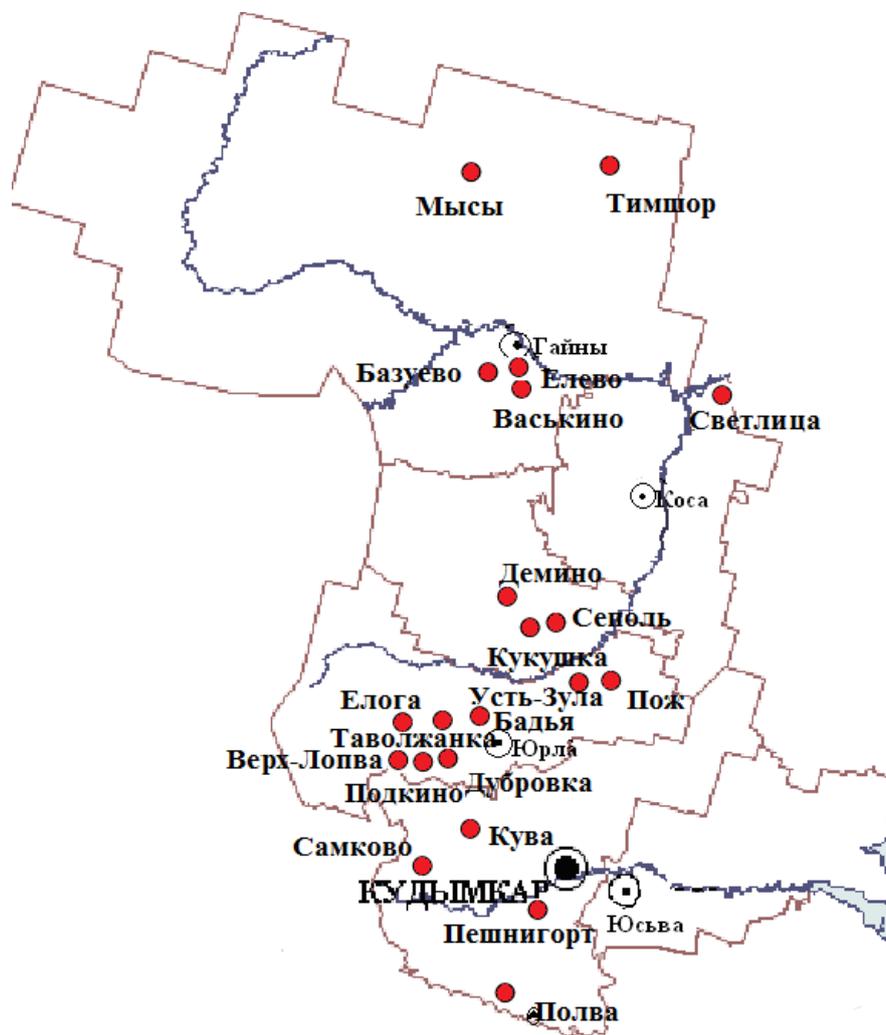

Рис. 2. Карта-схема мест расселения старообрядцев и единоверцев на территории Коми-Пермяцкого округа в начале XX века

Большинство раскольников Гайнской волости относилось к беспоповскому толку. В начале XX века наставником раскольников в деревнях по р. Лупье был Никита Остапов [27, л. 5 об.], наставником беспоповцев в южной части волости – Григорий Константинович Лунегов из д. Елевой [19, л. 12]. В 1914 году многие жители лупьинских деревень намеревались перейти в старообрядчество, но миссионер Чердынского уезда Н. Попов взял с них «приговор на постройку единоверческой церкви» [27, л. 5]. Данных о дальнейшем развитии ситуации пока обнаружить не удалось. Скорее всего, в отсутствие единоверческого священника местные жители предпочитали обращаться к наставнику. В данный период в Гайнской волости выросло число приверженцев белокриницкого согласия. В начале XX века к нему примкнуло 14 семей, к 1910 году их насчитывалось уже более 60 человек. С 1878 года гайнские деревни начал посещать подкинский священник, а в 1902 году в сан священника был рукоположен местный крестьянин Агапий Илларионович Исаев. В 1907 году была зарегистрирована религиозная община, а в 1908 году заложена церковь [9, с. 950].

О числе раскольников на территории округа в конце XIX – начале XX века можно судить по данным Пермской епархии и Первой Всероссийской переписи населения. В середине XIX века отмечается проживание старообрядцев на территории трех церковных приходов, в начале XX века – семи (таблица). Один из приходов (д. Чажегово) был новым и включал часть бывшей паствы Гайнской церкви. Храм был воздвигнут специально рядом с деревнями старообрядцев, чтобы противостоять распространению раскола [9, с. 950]. Число раскольников относительно прихожан церкви было небольшим, рост численности наблюдается среди обеих религиозных групп. В публикациях за 1896 и 1911 годы появляются сведения о старообрядцах в приходах церковью Соликамского уезда, в которых ранее они не фиксировались. Возможно, это были переселенцы или местные жители перешли в «старую веру» под влиянием раскольников Вятской губернии.

Число прихожан и раскольников в приходах церковью на территории Коми-Пермяцкого округа, 1877–1911 гг. (составлено по [2; 28; 29; 30])

Приходы сел	Дата постр. церкви	1877		1885		1896		1911	
		Прих.	Раск.	Прих.	Раск.	Прих.	Раск.	Прих.	Раск.
Чердынский уезд									
Юм	1871	2543	50	–	–	3833	121	8062	586
Юрла	1779	1673	–	1811	–	2064	–	6627	11
Гайны	1820	1571	28	1440	29	2159	40	3810	153
Чажегово	1907	–	–	–	–	–	–	2101	372
Соликамский уезд									
Сергиевское (совр. – с. Полва)	1841	907	2	1055	1	1325	7	2855	110
Белоево	1858	1890	–	2083	–	2477	1	6546	–
Самково	1896	–	–	–	–	–	–	1846	2
Пешнигорт	1896	–	–	–	–	–	–	3211	5

По данным Первой Всероссийской переписи населения, в Соликамском уезде среди «пермяков» проживало 2 старообрядца, мужчина и женщина. В Чердынском уезде старообрядцев и уклонившихся от православия среди «пермяков» насчитывалось 884 мужчины и 1087 женщин [31, с. 98, 118]. В их числе были и пермяки, населявшие верховья р. Язьвы (современная территория Красновишерского района Пермского края), которых, по данным епархии, в 1896 году в приходе церкви с. Верх-Язьвинского было: «раск. 45, уклон. в раск. 785» [30, с. 105]. Как можно увидеть, число раскольников среди «пермяков» по данным переписи и по сведениям епархии не совпадает.

Итак, в приходах южных районов округа число раскольников намного меньше и среди них лишь единицы коми-пермяков. В Соликамском уезде в целом старообрядцев было немного [31, с. 104–118]. Часть населения данного уезда долгое время находилась в крепостной зависимости, что могло препятствовать их переходу в раскол. Точных сведений о старообрядцах прихода с. Сергиевского (совр. с. Полва), в котором в начале XX века их насчитывалось более 100 человек, найти не удалось. Вероятно, их появление связано с влиянием или переселением раскольников из соседнего Оханского уезда. В 1909 году населенные пункты Сергиевской волости были заселены русскими [17, с. 159–160], среди которых отмечались браки с коми-пермяками [32, л. 382–386]. Современные полевые материалы подтверждают распространение раскола в данной местности. По воспоминаниям местных жителей, старообрядцы проживали в деревнях восточнее р. Полвы, но в последующем переселились и в другие населенные пункты.

Приверженцами старообрядчества было также русское население д. Светлицы, которая прежде по административному делению входила в состав Бондюжской волости Чердынского уезда, а с 1924 года – уже в состав Порошевского сельского совета Косинского района [33, с. 77]. По данным И.Я. Кривошекова, все светличане были старообрядцами беспоповского толка и имели своего наставника [14, с. 680]. Раскольники в данной деревне, предположительно, могли появиться в то же время, что и в Гайнской волости.

Существовавшее с начала XIX века единоверческое направление подчинялось Русской православной церкви, но сохраняло свои обрядовые традиции. Единоверцы, которые проживали на территории округа, посещали Успенскую церковь с. Пыскор. Метрические книги позволяют уточнить места их расселения. Это деревни Тимина, Сергеева, Пож Усть-Зулинской волости (ныне Юрлинский район) и Ибгорт, Уварова, Демина, Городище, Кокушкина Кочевской волости (ныне Кочевский район) [34]. В начале XX века жители этих деревень Кочевской волости названы «пермяками», а Усть-Зулинской – русскими [11, с. 357, 367]. По данным И.Я. Кривошекова, в начале XX века в д. Пож к единоверческому приходу относилось 5 домохозяйств, а в д. Кокушкиной находилась единоверческая часовня [14, с. 435, 621]. Помимо пыскорской церкви, местные единоверцы посещали и местные православные храмы, например, крестили ребенка в с. Кочеве [35, л. 22].

Большее число единоверцев, судя по метрическим книгам и местоположению часовни, проживало в д. Кокушкиной. Вероятно, основатели деревни уже были единоверцами, так как первые сведения о поселении относятся к 1886 году, к тому времени в нем находилось 15 хозяйств [14, с. 435]. В публикациях начала XX века кукушкинцев называют «пермяками» [14, с. 435; 17, с. 39], тогда как, по местным преданиям, первый поселенец был русским. Отметим, что большинство браков на рубеже XIX–XX веков кукушкинцы-единоверцы заключали в пыскорском храме с православными невестами ближайших коми-пермяцких деревень [34]. В настоящее время кукушкинцы идентифицируют себя коми-пермяками, при этом помнят предание о русских предках.

Старообрядцы в период становления и осуществления советской власти

Негативное отношение новой власти к религии существенно сказалось на старообрядческих общинах Коми-Пермяцкого округа. К сожалению, по данному периоду немного источников, в основном в документах фиксировались отрицательные проявления религиозных адептов и случаи нарушения ими установленных законов. Можно привести лишь отдельные примеры.

Во время Гражданской войны, летом 1918 года в д. Подкиной произошло первое крестьянское восстание, направленное против деятельности новых властей. Основной причиной истории называют проводившуюся Красной армией продразверстку. Одним из руководителей восстания был местный старообрядческий священник Григорий Подкин. К восстанию примкнули также другие старообрядцы, зажиточные крестьяне и офицеры старой армии. Восстание было подавлено присланными из Чердыни отрядами. Старообрядческая церковь как наблюдательный пункт противника была сожжена. О судьбе священника источники повествуют по-разному, одни сообщают, что он погиб во время восстания, другие – что вместе с остальными участниками бежал в лес [23, с. 55–75]. Зимой 1919 года на территории Юрлинского района произошло более крупное восстание, в котором, скорее всего, тоже приняли участие местные староверы.

Документы 1930-х годов содержат упоминания о «староверах» на территории округа, которые были негативно настроены к новой власти. В 1937 году в справке оргбюро Союза воинствующих безбожников «староверами» названы жители Юсьвинского района: «В Поломковском колхозе группа сектантов “староверов” под руководством кулака Утева, в ней состояло 7 человек

колхозников, затем к ним присоединились 10 человек б<ывших> белогвардейцев, они вели пораженческую агитацию...» [36, л. 20об]. В протоколе за 1938 год говорится, что «группы старообрядцев», осуществлявших диверсии и вредительство, ликвидированы в разных районах области, в том числе в Гайнском [36, л. 40]. Думаем, что термины «староверы» и «старообрядцы» в данных документах могли обозначать верующих людей вообще. Отметим, что подтверждающей информации о приверженности жителей Юсьвинского района к древлеправославию пока не обнаружено, известно лишь, что в конце 1920-х годов среди них были «евангелисты» [37, л. 60].

Полевые изыскания, которые проводились в с. Полва и соседних поселениях, а также в Гайнском районе, позволяют утверждать, что некоторые местные староверы в первой половине XX века еще придерживались строгих религиозных правил. Прежде всего отмечается их обособленность от остального населения, которая выражалась в малообщительности и в традиции принимать пищу из индивидуальной посуды: *Симка Булгакова кержачка раньше была. Из-за Полвы. <...> Она в деревню нигде не ходит, она ни с кем не ест, не пьет* (д. Ракшино, 2006); *У меня родители, мать покойница, у нее чашка, ложка и все отдельно было* (пос. Кебраты, 2005).

На территории Кочевского и Косинского районов старшее поколение знает о «кержачках» лишь по рассказам, что может означать их исчезновение в первой половине XX века. Скучные нарративы повествуют о бытовых и религиозных отличиях староверов: *Одни староверы были божественные, Гавричи их называли, а эти, наши-те, Евсята де были* (пос. Светлица, 2009). *В этих домах жили староверы. Свечи не берут, ладан у них, верят в другую веру, в домах молятся* (д. Кукушка, 1999).

Старообрядческие церкви, как и большинство других храмов, были закрыты. Церковь д. Васькино какое-то время использовалась для хранения зерна, в последующем была заброшена и в настоящее время находится в полуразрушенном состоянии (рис. 3). Часть внутреннего убранства и иконы церкви хранятся в Гайнском краеведческом музее им. А.Я. Созонова.

Рис. 3. Успенская старообрядческая церковь в д. Васькино (фото 2014 г.)

Закрытие церкви и запреты не помешали старообрядцам устраивать общественные моления и проводить религиозные обряды: *Там в углу дом был, там еще старик жил, туда ходили молиться старухи'* (д. Васькино, 2014). В 1951 году в Гайнском районе местными властями

была отмечена деятельность группы верующих беспоповцев в составе 12 человек. Населенный пункт в документах не указан. В последующем, согласно отчетам, группа прекратила свою деятельность [38, л. 222]. В 1952 году деятельность группы верующих во время религиозных праздников в числе 10–15 человек была выявлена в с. Сергеево Юрлинского района, но она не была идентифицирована как старообрядческая [39, л. 355]. Зато в 1968 году на территории того же района властями было обнаружено, что священник Агеевской старообрядческой общины Верещагинского района Нестор Иванович Соловьев приезжал к родственникам в д. Кормину Юрлинского района и «за три дня окрестил 40 детей и 8 пар обвенчал». После раскрытия данного факта священника на время отстранили от службы и перевели в г. Ростов-на-Дону [40, л. 66, 81]. Отметим, что лупьинские коми-пермяки поддерживали связи с жителями деревень Республики Коми, в том числе общались с местными староверами [6, с. 213, 217].

Запреты и жесткие меры по отношению к представителям религиозной среды и, в частности, к старообрядцам имели место в течение нескольких десятилетий. Старообрядцы округа, несмотря на противодействия, пытались следовать своим религиозным традициям. При этом обычаи и обряды оставались актуальными в основном для старшего поколения, поэтому к концу советской эпохи старообрядцы как особая религиозная общность уже мало выделялись среди остального населения.

Старообрядцы в конце XX – начале XXI веков

В конце XX века в России начинается возрождение религиозных общин и храмов, в том числе в старообрядческой среде. Вместе с тем в местах расселения старообрядцев на территории Коми-Пермяцкого округа наблюдаются неоднозначные процессы: угасание традиции в одних местах и возрождение в других.

Во многих районах, где раньше проживали раскольники, местные жители считают, что их там уже давно нет. Несмотря на это, в народной практике остаются актуальными отдельные обычаи, которые передаются от поколения к поколению, в частности: поминовение умерших в Троицкую субботу; каждение; двуперстное крестное знамение. Некоторые из этих традиций имеют более широкое распространение, чем территория прежнего расселения раскольников. Так, во многих деревнях Юрлинского и Кочевского района принято кадить во время поминок, там же широко распространены духовные стихи. Для части населения округа характерно творение «промежуточного» варианта крестного знамения, когда большой палец прикладывают к указательному и среднему рядом с их средними суставами.

Среди прежних мест расселения старообрядцев выделяются две территории, на которых еще наблюдаются процессы сохранения, либо возрождения старообрядческой веры, поэтому о них стоит сказать особо.

В первом десятилетии XXI века среди лупьинских коми-пермяков (пос. Жемчужный, пос. Верх-Будым, д. Мыс, д. Сойга Гайнского района) староверами называли тех людей, которые исполняли религиозные обычаи и придерживались особых правил: *Богу молюсь, вот и кержанка-то. С табашиками не пью, с мужиками не пью. Таковую кружечку ношу я* (пос. Жемчужный, 2005). Таковых в 2005 году было всего 2–3 женщины, хотя, по рассказам, еще в недавнем прошлом религиозных правил придерживалось большее количество представителей старшего поколения, в том числе мужчины. Следует отметить, что среди лупьинских коми-пермяков в начале XX века было много прихожан Русской православной церкви, но после закрытия храма ведущими в исполнении обрядов (во время крестин, похорон, праздников), по видимому, стали старообрядческие начетчики, вследствие чего их традиции в обрядовой сфере в

данной местности стали преобладать. При этом, конечно, в каждой семье молодым поколениям передавались свои обычаи, что наглядно выражается в акте творения крестного знамения: одни используют двуперстие, другие – трехперстие. В целом для населения характерно смешение мирских и «древлеправославных» обычаев и атрибутов [6, с. 212–223] (рис. 4).

Рис. 4. Религиозные атрибуты гайнских старообрядцев (пос. Жемчужный, 2010 г.)

Религиозный синкретизм, по-видимому, характерен и для жителей Юрлинского района, где полевые изыскания нами не проводились, но исследователи, которые изучали местные обычаи, отмечают: «В настоящее время юрлинцы в большинстве своем конфессионально индифферентны, однако старообрядческий след прослеживается в общинном сознании и актуальных обрядовых практиках» [40, с. 138]. В целом в традиции юрлинцев выделяются яркие формы проявления народного православия [41, с. 14].

Более точная информация нами была получена от протоиерея Валерия Шабашова и настоятеля старообрядческой церкви г. Перми отца

Николая Татаурова. По их словам, часть жителей куста деревень близ д. Подкиной (Зарубина. Дуброва, Васькова и др.) продолжает идентифицировать себя староверами. Отец Николай Татауров в начале XXI века окрестил около 100 юрлинцев. В настоящее время юрлинских старообрядцев ежегодно посещает настоятель менделеевского храма отец Георгий Гусев. При каждом его визите по старообрядческой традиции крестятся от 20 до 30 человек.

Проблема религиозной идентичности актуальна и для других деревень Юрлинского района. Так, в 2014 году в одном из телевизионных репортажей жители д. Пож Юрлинского района были названы старообрядцами. Основным признаком отнесения пожинцев к староверам стала их песенная традиция, особенно духовные стихи, которые в последние годы интересовали исследователей [42]. Данный пример показывает, что внимание современного общества к прошлому побуждает людей переосмысливать свои традиции и идентифицировать некоторые из них как старообрядческие.

На рубеже XX–XXI веков новым местом проживания старообрядцев на территории округа стал г. Кудымкар. С 1996 по 2012 год в городе действовало зарегистрированное общественное объединение – Православная старообрядческая община Коми-Пермяцкого автономного округа Русской православной старообрядческой церкви. Членов общины насчитывалось до 11 человек, от 1924 до 1957 годов рождения, большинство из них – женщины. Судя по отчетам общины за 2008–2009 годы участники собирались для совершения религиозных обрядов до 3 раз в год. В 2012 году общество было официально исключено из числа общественных объединений [43, л. 1-69], вместе с тем, по словам протоиерея Валерия Шабашова, оно продолжает свою деятельность. Община включает приверженцев веры, которые родились как за пределами округа, так и на его территории. По национальной принадлежности старообрядцы города в основном русские, но есть среди них и комиязычное население. По результатам социологического исследования А.В. Михалевой, в 2016 году старообрядцами себя назвали 7,2 % из 246 опрошенных коми-пермяков [44, с. 32], это достаточно большое число. В 2015 году в г. Кудымкаре началось строительство Православной старообрядческой церкви. Появление храма, считаем, укрепит позиции старообрядцев к округе и будет способствовать их сплочению.

Заключение

История старообрядцев на территории Коми-Пермяцкого округа имеет общие черты с историей данного религиозного направления в других регионах России, так как многие процессы были обусловлены политикой властей по отношению к раскольникам и развитием самой старообрядческой среды. Изначально старообрядцы на территории округа были пришлыми людьми. Их привлекали слабо освоенные территории, отдаленные от крупных административных центров. Отмечались притоки разных групп раскольников в течение XVIII–XIX веков. Особое влияние на местное общество в XIX веке оказывали старообрядцы Вятской губернии. Постепенно к приверженцам «старой веры» присоединилась часть местных крестьян, как русских, так и коми-пермяков. В начале XX века отмечалось несколько мест расселения старообрядцев, среди которых три крупных куста – в южной, центральной и северной частях округа (см. рис. 2). Во второй половине XIX века формируются три основных течения – беспоповцы, поповцы белокрыницкого (австрийского) согласия и единоверцы. Для австрийского согласия пиком развития стало начало XX века, когда были зарегистрированы их общества, построены церкви, увеличилось число прихожан в результате присоединения беспоповцев и некоторых православных. Для единоверцев, по-видимому, было характерно постепенное слияние с православными.

Одной из характерных черт расселения старообрядцев на территории округа являлось то, что они проживали по соседству с мирскими, все деревни были включены в приходы местных православных церквей. Это обусловило межконфессиональные браки, «переходы» старообрядцев в Русскую православную церковь, исполнение ритуалов для «православных» наставником-раскольником. Отношения между представителями разных религиозных течений, по-видимому, были относительно лояльными, однако местные православные священники были настроены к раскольникам критично [24]. Позднее, в XX веке, такое соседство обусловило формирование народного смешанного варианта православия, когда в обществе сочетались православные, древлеправославные и народные обычаи.

События, последовавшие после революции 1917 года, для старообрядцев, как и для всех других религиозных направлений, имели негативные последствия. Уничтожение и закрытие церквей, гибель священника стали причиной угасания сообщества австрийских старообрядцев на территории округа. При этом во многих местах проживания староверов прослеживается сохранение их традиций до настоящего времени.

На современном этапе отсутствие старообрядческих сообществ в местах прежнего их расселения, помимо нескольких деревень Юрлинского района, объясняется разными факторами: антирелигиозная политика и нарушение механизма передачи традиций молодым поколениям, слабое социально-экономическое развитие территории, малочисленность населения, переезд местных жителей в другие места. Также могло повлиять отсутствие постоянной связи с другими сообществами старообрядцев. По-видимому, контакты с другими группами основывались прежде всего на родственных связях. Наряду с «угасанием» старообрядческого движения в отдельных местах с 1990-х годов наблюдаются и возрожденческие процессы, но протекают они достаточно медленно. Новой вехой в истории старообрядчества округа можно считать образование старообрядческой общины в г. Кудымкаре и начало строительства церкви, что может способствовать сплочению и увеличению числа их приверженцев.

Список литературы

1. Шумилов Е.Н. Православные и единоверческие храмы Пермского края. – Пермь, 2003. – 71 с.
2. Справочная книга Пермской епархии на 1912 г. / сост. П. Ершов. – Пермь, 1911. – 290 с.

3. Власова И.В. Размещение старообрядцев в Северном Приуралье и их контакты с окружающим населением // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1992. – С. 196–201.
4. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX – перв. пол. XX в. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 373 с.
5. Четина Е.М. Между чудью и кержаками: религиозно-мифологические традиции Северного Прикамья // XI конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. ИИиА УрО РАН. – М.; Екатеринбург, 2015. – С. 252.
6. Голева Т.Г. Характеристика религиозной культуры лупьинских коми-пермяков // Русский мир: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. [Русское старообрядчество в истории и культуре: прошлое и настоящее» (16 ноября 2010 г., г. Пермь)]. – Пермь, 2010. – С. 212–223.
7. Обзорение Пермского раскола: так называемого «старообрядства» / сост. А.П. [архимандрит Палладий]. – СПб: Типография Духовного журнала «Странник», 1863.
8. ГАПК. Государственный архив Пермского края. Ф. 15. Оп. 1. Д. 462.
9. Материалы по истории старообрядчества // Церковь. – 1910. – № 38. – С. 949–950.
10. Починская И.В. «Дело по ведению следствия о раскольнике Ситникове А....» (М.Е. Салтыков и старообрядцы) // Урал. сб. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 5. – С. 231–245.
11. Список населенных мест Пермской губернии 1904 года. – Пермь: Издание Пермского губернского земства, 1905. – 526 с.
12. Список населенных мест по сведениям 1869 года. Пермская губерния. – СПб: Типогр. Мин-ва внутр. дел, 1875. – 380 с.
13. О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин... [Электронный ресурс]: Именной высочайший Указ. – М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1906. – 24 с. – URL: <https://www.prlib.ru/item/711271> (дата обращения: 26.09.2018).
14. Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. – Пермь: Электротипография «Труд», 1914. – 850 с.
15. Материалы по истории старообрядчества // Церковь. – 1909. – № 5. – С. 182–184.
16. РГАДА. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1476. Оп. 1. Д. 256 [Электронный ресурс]. – URL: http://ruvera.ru/lib/archive_episkop/fond_1475 (дата обращения: 16.09.2018).
17. Список населенных мест Пермской губернии. Чердынский уезд. – Пермь: Электротипография Пермского земства, 1909. – 91 с.
18. ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 837.
19. ГАПК. Ф. 199. Оп. 1. Д. 144.
20. Д. Подкина Чердынского уезда, Пермской губ. // Церковь. – 1913. – № 2. – С. 51.
21. Смирнов И.Н. Пермяки: ист.-этногр. очерк // Изв. общ-ва археологии, истории и этнографии при Импер. Казанском ун-те. – Казань, 1891. – Т. IX. – Вып. 2. – 289 с.
22. Власова И.В. К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Наш край. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1995. – С. 58–65.
23. Бахматов А.А., Моисеева Е.В. Летопись деревень Юрлинского района. Кн. 2. Дубровский сельсовет. – Пермь: Изд-во Богатырев П.Г., 2014. – 372 с.
24. ГАПК. Ф. 36. Оп. 3. Д. 38.
25. ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 276, 296.
26. Гайнский район: страницы истории. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2006. – 432 с.

27. ГАПК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 48.
28. Адрес-календарь Пермской епархии на 1877 г. – Пермь: Тип. Заозерского, 1877. – 175 с.
29. Пермский епархиальный адрес-календарь на 1885 г. / сост. Н.Д. Топорков. – Пермь: Тип. Пермской земской управы, 1884. – 214 с.
30. Памятная книжка для духовенства, изданная по случаю 500-летия блаженной кончины Святителя Стефана Епископа Великопермского, с приложением Адрес-календаря Пермской Епархии на 1896 г. / сост. И. Шестаков. – Пермь, 1896. – 380 с.
31. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: в 89 т. Т. XXXI: Пермская губерния. – СПб., 1904. – 301 с.
32. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 643.
33. Коса. Путеводитель. – Пермь, Изд-во «Маматов», 2014. – 95 с.
34. ГАПК. Ф. 719. Оп. 10. Д. 1928, 1967.
35. ГАПК. Ф. 719. Оп. 11. Д. 461.
36. ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф. 200. Оп. 1, Д. 863.
37. ПермГАСПИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 374.
38. ГАПК. Ф.р-1204. Оп. 2. Д. 3.
39. ГАПК. Ф. р-1204. Оп. 2. Д. 18.
40. Четина Е.М., Королева С.Ю. Традиционная обрядность и «ритуальные специалисты» в современном селе // Социо- и психолингвистические исследования. – 2016. – № 4. – С. 137–144.
41. Юрлинский край: Традиционная культура русских / А.А. Бахматов И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, А.В. Черных. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2003. – 496 с.
42. Юрлинсалон асяма культура [Электронный ресурс] // Вести Кудымкар. – 2014. – URL: <http://komi.t7-inform.ru/s/news/20141023121230> (дата обращения: 26.09.2018).
43. ПермГАСПИ. Ф. 1924. Оп. 1. Д. 2079.
44. Михалева А.В. Этноконфессиональная идентичность коми-пермяков Пермского края // Вестн. Перм. науч. центра УрО РАН. – 2016. – № 5. – С. 26–37.

References

1. Shumilov E.N. Pravoslavnye i edinovercheskie khramy Permskogo kraia [Orthodox and Edinoverie churches of the Perm region]. Perm', 2003, 71 p.
2. Spravochnaia kniga Permskoi Eparkhii na 1912 god [Reference book of the Perm diocese for 1912]. Ed. P. Ershov. Perm', 1911, 290 p.
3. Vlasova I.V. Razmeshchenie staroobriadtsev v Severnom Priural'e i ikh kontakty s okruzhaiushchim naseleniem [The location of old believers in the Northern Urals and their contacts with the surrounding population]. *Traditsionnaia dukhovnaia i material'naia kul'tura russkikh staroobriadcheskikh poselenii v stranakh Evropy, Azii i Ameriki*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1992, pp. 196–201.
4. Belitser V.N. Ocherki po etnografii narodov komi. XIX — pervaiia polovina XX v. [Essays on Ethnography of the Komi peoples: XIX – first half XX centuries]. Moscow, Akademiia nauk SSSR, 1958, 373 p.
5. Chetina E.M. Mezhdud chud'iu i kerzhakami: religiozno-mifologicheskie traditsii Severnogo Prikam'ia [Between chud and kerzhaks: religious and mythological traditions of the Northern Kama region]. *XI Kongress antropologov i etnologov Rossii*. Moscow, Ekaterinburg, Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk, 2015, p. 252.
6. Goleva T.G. Kharakteristika religioznoi kul'tury lup'inskiikh komi-permiakov [Characteristics of the religious culture of the lup'ia Komi-Permyaks]. *Russkii mir. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Russkoe staroobriadchestvo v istorii i kul'ture: proshloe i nastoiashchee»*. Perm', 2010, pp. 212–223.
7. Obozrenie Permskogo raskola: tak nazyvaemogo «staroobriadchestva» [Review of the Perm split: the so-called «Old Believers»]. Ed. Arkhimandrit Palladii. Saint Petersburg, Tipografiia Dukhovnogo zhurnala «Strannik», 1863, III, III, 215, 47, [3] p.
8. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 15, op. 1, d. 462.
9. Materialy po istorii staroobriadchestva [Materials on the history of Old Believers]. *Tserkov'*, 1910, no. 38, pp. 949-950.
10. Pochinskaia I.V. «Delo po vedeniiu sledstviia o raskol'nike A. Sitnikove...» (M.E. Saltykov i staroobriadtsy) [The Case of schismatic A. Sitnikov... (Saltykov and Old Believers)]. *Ural'Skii Sbornik. Istoriia. Kul'tura. Religiiia*. Ekaterinburg, 2003, iss. 5, pp. 231-245.
11. Spisok naselennykh mest Permskoi gubernii 1904 goda [List of settlements in the Perm province in 1904]. Perm', Izdanie Permskogo gubernskogo zemstva, 1905, 526 p.
12. Permskaia guberniia. Spisok naselennykh mest po svedeniiam 1869 goda [Perm province. The list of settlements according to the 1869]. Saint Petersburg, Tipografiia ministerstva vnutrennikh del, 1875, 380 p.

13. Imennoi vysochaishii Ukaz. O poriadke obrazovaniia i deistviia staroobriadcheskikh i sektantskikh obshchin... [The highest Decree. About the order of education and action of Old Believers and sectarian communities...]. Moscow, Tipografiia P.P. Riabushinskogo, 1906, 24 p., available at: <https://www.prlib.ru/item/711271> (accessed 26 September 2018).
14. Krivoshchekov I.Ia. Slovar' geograficheskoi-statisticheskii Cherdynskogo uyezda Permskoi gubernii [Geographical and statistical dictionary of the Cherdyn district of the Perm province]. Perm', Elektro-Tipografiia «Trud», 1914, 850 p.
15. Materialy po istorii staroobriadchestva [Materials on the history of old believers]. *Tserkov'*, 1909, no. 5, pp. 182-184.
16. RGADA (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov), f. 1476, op. 1, d. 256, available at: http://ruvera.ru/lib/archive_episkop/fond_1475 (accessed 16 September 2018).
17. Spisok naselennykh mest Permskoi gubernii. Cherdynskii uезд [List of settlements in Perm province. Cherdyn county]. Perm', Elektro-tipografiia permskogo zemstva, 1909, 91 p.
18. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 65, op. 2, d. 837.
19. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 199, op. 1, d. 144.
20. D. Podkina, Cherdynskogo uyezda, Permskoi gubernii [The village Podkina, the Cherdyn district of the Perm province]. *Tserkov'*, 1913, no. 2, 51 p.
21. Smirnov I.N. Permiaki: istoriko-etnograficheskii ocherk [The Permyaks: A historical and ethnographic essay]. *Izvestiia Obshchestva Arkheologii, Istorii i Etnografii Pri Imperatorskom Kazanskom Universitete*. Kazan', 1891, vol. IX, no. 2, 289 p.
22. Vlasova I.V. K izucheniiu etnograficheskikh grupp russkikh (Iurlintsy) [To the study of ethnographic groups of Russian (the Jurlins)]. *Nash Krai*. Kudymkar, Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995, pp. 58–65.
23. Bakhmatov A.A., Moiseeva E.V. Letopis' dereven' Iurlinskogo raiona. Kn. 2. Dubrovskii sel'sovet [The chronicle of villages Yurlinskiy district. Book 2. Dubrovskii selsovet]. Perm', Bogatyrev P.G., 2014, 372 p.
24. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 36, op. 3, d. 38.
25. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 719, op. 11, d. 276, 296.
26. Gainskii raion: stranitsy istorii [The Ghayn district: pages of history]. Kudymkar, Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2006, 432 p.
27. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 95, op. 1, d. 48.
28. Adres-kalendar' Permskoi eparkhii na 1877 g. [Address-calendar of the Perm diocese for 1877]. Perm', Tipografiia Zaozerskago, 1877, 175 p.
29. Permskii eparkhial'nyi adres-kalendar' na 1885 g. [Perm diocesan address-calendar for 1885]. Ed. N.D. Toporkov. Perm', Tipografiia Permskoi zemskoi upravly, 1884, 214 p.
30. Pamiatnaia knizhka dlia dukhovenstva, Adres-kalendar' Permskoi Eparkhii na 1896 g. [Memorial book for the clergy, address-calendar of the Perm Diocese in 1896]. Ed. I. Shestakov. Perm', 1896, 380 p.
31. Pervaa Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897 g. Tom. XXXI. Permskaia guberniia [The first General census of the Russian Empire, 1897. Vol. XXXI: Perm province]. Saint Petersburg, 1904, 301 p.
32. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 37, op. 6, d. 643.
33. Kosa. Putevoditel' [Kosa. Guidebook]. Perm', Mamatov, 2014, 95 p.
34. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 719, op. 10, d. 1928, 1967.
35. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. 719, op. 11, d. 461.
36. PermGASPI (Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii), f. 200, op. 1, d. 863.
37. PermGASPI (Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii), f. 200, op. 1, d. 374.
38. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. r-1204, op. 2, d. 3.
39. GAPK (Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia), f. r-1204, op. 2, d. 18.
40. Chetina E.M., Korolyova S.Yu. Traditsionnaia obriadnost' i «ritual'nye spetsialisty» v sovremennom sele [Traditional culture and "ritual specialists" in modern village]. *Sotsio- i Psikhologicheskii Issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 137–144.
41. Bakhmatov A.A., Podiukov I.A., Khorobrykh S.V., Chernykh A.V. Iurlinskii krai: Traditsionnaia kul'tura russkikh [Yurlinsky region. Traditional Russian culture]. Kudymkar, Komi-Permiatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003, 496 p.
42. Iurlinsalen assiamia kul'tura [Its Uralian culture]. *Vesti Kudymkar*, 2014, available at: <http://komi.t7-inform.ru/s/news/20141023121230> (accessed: 26 September 2018).
43. PermGASPI (Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii), f. 1924, op. 1, d. 2079.
44. Mikhaleva A.V. Etnokonfessional'naia identichnost' komi-permiakov Permskogo kraia [Etnoreligious identity of Komi-permyaks in Perm kraj]. *Vestnik Permskogo Nauchnogo Tsentra Ural'Skogo Otdeleniia Rossiiskoi Akademii Nauk*, 2016, no 5, pp. 26-37.